

*Посвящается моей дорогой тете Мауре и дяде Майку.
Пожалуйста, отмените последний заказ прямо сейчас.
Спасибо*

От автора

Привет! И добро пожаловать в «Маленькую пекарню на Бич-стрит»... А если вы уже бывали здесь, то я рада видеть вас снова! Впрочем, при первом посещении вам будут рады не меньше, и я надеюсь, что аппетит вы нагуляли. Позвольте вкратце рассказать кое о чем, прежде чем вы начнете чтение. (Поклонники Нила, не беспокойтесь: он вернется.)

В общем, Полли потеряла свой бизнес в Плимуте, и ей пришлось начинать все сначала. Она переехала в корнуольский приморский городок, где дорогу дважды в день затопляет прилив. Найти работу не удалось, поэтому она занялась любимым делом — стала печь хлеб — и вскоре навлекла на себя гнев миссис Мэнс, которая управляла городской пекарней (и это было очень плохо).

Но так или иначе, Полли отвоевала себе место под солнцем — и работа закипела. В те же дни у моей героини случился недолгий роман с одним из рыбаков, Тарни, а потом, к своему ужасу, она узнала, что он женат. Позднее Тарни погиб во время сильного шторма, и все долго не могли прийти в себя после этой катастрофы.

Но наконец Полли влюбилась в Хакла — большого американца. А еще она волей-неволей усыновила морскую птицу тупика и, скорее всего не подумав хорошенько, решила купить маяк.

Ладно, наверное, этого достаточно! Очень надеюсь, что вам понравится «Лето в маленькой пекарне», ведь я с такой любовью писала эту книгу!

Немножко о месте действия

Корнуолл для меня — настолько же воображаемое, насколько и реальное место, где живет множество людей. В детстве я провела там немало времени. В моем представлении Корнуолл подобен Нарнии или любой другой выдуманной стране, в которую мне нравится возвращаться, — я была буквально одержима романом «Над морем, под камнем» и, конечно, «Великолепной пятеркой» и «Мэлори тауэрс»¹.

Мы обычно останавливались в старых коттеджах оловянного рудника рядом с Полперро. Моя мать была большой поклонницей Дафны Дюморье и вечерами, уложив меня и двоих моих маленьких братьев в узкие кровати, рассказывала нам леденящие истории о кораблекрушениях и пиратах, о золоте и грабителях. Мы ужасно волновались и пугались, а брат — конечно, самый младший (хотя он бы точно стал возражать, заявляя, что это была я) — порой вска-

¹ В романе Сьюзен Купер «Над морем, под камнем» («Over Sea, Under Stone») и сериях книг Энид Блайтон «Великолепная пятерка» («The Famous Five») и «Мэлори тауэрс» («Malory Towers») описан Корнуолл.

кивал посреди ночи, оттого что ему снился страшный сон.

В сравнении с холодной Шотландией солнечный Корнуолл казался мне просто раем. Каждый год нам покупали большие легкие доски для серфинга, и мы катались, катались, катались, пока не падали на пляже, выбившись из сил, и обгорали на солнце, а потом, развернув сэндвичи, заботливо завернутые мамой в пленку для пищевых продуктов, вгрызались в них так, что песок хрустел на зубах...

Позже папа жарил рыбу на маленьком самодельном гриле, который сооружал каждый год из кирпичей и какой-нибудь решетки, а я обычно сидела в высокой душистой траве и читала книги, забывая отмахиваться от кусачих насекомых.

А после того (поскольку во время каникул при-
выкаешь ложиться очень поздно) мы ехали в Маузэл или Сент-Айвс и лакомились там мороженым, прогуливаясь вдоль залива, или заходили в галерею полюбоваться картинами. Иногда мы ели горячую и соленую жареную картошку, а то и сливочные помадки — их вкус постоянно преследует меня, хотя от них меня неизменно мутило.

Это были блаженные времена, и я с огромной радостью вновь посетила те места, когда начала серию «Маунт-Полберн». Мы отправились на однодневную экскурсию — думаю, она обязательна для любого, кто посещает Корнуолл, — на остров Сент-Майклс-Маунт, и я помню, как очаровал меня вид старой, мощенной камнем дороги, исчезающей в волнах. Невозможно представить ничего более романтического

ОТ АВТОРА

и волшебного, и мне так радостно писать об этом в книгах! Если у меня получится хоть в какой-то мере передать в своих романах то счастье, которое принес в мою жизнь Корнуолл... что ж, я буду в полном восторге.

С любовью, Дженни

Пролог

— **В** о сне — хотя я не могу, вообще не могу уснуть — я вижу его. Он снится мне каким-то поглупевшим, ну совершенно безмозглым. Будто бы он сидит в стиральной машине или в чем-то таком вроде нее, а я говорю: «Вылезай оттуда, идиот». Но он не желает вылезать из стиральной машины, он совсем крошечный — да еще в стиральной машине! — и становится все меньше и меньше, пока не исчезает.

— Это совершенно нормально, — спокойно произнес голос, явно принадлежащий образованному человеку из Уэст-Кантри¹.

— Вы постоянно говорите, что все нормально. — Селина сердито поправила короткие волосы. — Я могла бы прийти сюда и заявить: «Я по дороге переехала двух дикобразов, потому что они напомнили мне о его волосах. Одного случайно, другого нарочно», и вы бы сказали: «Это совершенно нормально».

¹ Уэст-Кантри (англ. Западная страна) — неофициальное название области на юго-западе Англии; часто используется по отношению к графствам Корнуолл, Девон, Дорсет и Сомерсет, а также к городу Бристоль.

— А вы это сделали?

— Нет, но в принципе могла бы. И вы бы точно стали успокаивать меня: мол, все в порядке, все нормально.

— Нет ничего нормального в горе, Селина. Горе — дело обычное. Но оно никогда не бывает нормальным.

Селина протяжно вздохнула:

— Но почему я не... почему я не могу справиться с этим? Понемногу прийти в себя? Все давным-давно хотят, чтобы я это пережила. У них на лице все написано. Им за меня неловко. И я хочу справиться... Не пить слишком много вина, чтобы наконец уснуть и не видеть больше во сне окровавленное лицо умершего мужа в стиральной машине... Мне надоело всех доставать!

— Куда вы собираетесь переехать? — Голос звучал ровно, будто собеседница вовсе не срывалась на крик.

Селина пожала плечами:

— Не знаю. Думаю, я откажусь от аренды в Манчестере. Она все дорожает, а меня здесь ничто не держит.

— Возможно, пора подумать о... возвращении домой? Туда, где ваш дом или дом Тарни?

— Я ни за что не вернусь туда! — с содроганием ответила Селина. — Я совершенно не желаю туда возвращаться.

Глава 1

— Прекрати, — предостерегающе произнесла Полли. — Это уже не смешно. Но Нил, не обращая внимания на ее протесты, стучал клювом в маленькое высокое окно до тех пор, пока Полли наконец не вышла и не предложила ему вкусное угощение.

Он примостился на выступе стены маяка, в башне которого поселились они втроем: Полли, Нил — птица тупик и Хакл — бойфренд Полли, американец. Теперь его мотоцикл с коляской стоял у подножия башни и служил единственным транспортным средством ее обитателям.

На маяке очень давно никто не жил — пожалуй, с конца семидесятых, когда все прожекторы стали электрическими. В башне было четыре этажа и наружная винтовая лестница, что делало маяк, как уже не раз отмечал Хакл, самым продуваемым местом в истории человечества. Зато они с Полли, бегая вверх-вниз, обрели хорошую форму. На одном этаже размещались тяжелые механизмы, с помощью которых поворачивался прожектор; их невозможно было убрать. На верхнем этаже, прямо под прожектором,

располагалась гостиная, откуда с одной стороны открывался прекрасный вид на залив, а с другой — на Маунт-Полберн, намывной островок и одноименный поселок, или городок, где они жили и работали, с дамбой, ведущей на материк и дважды в день затопляемой приливом.

Из этих окон можно было увидеть и «Маленькую пекарню на Бич-стрит» с заброшенным магазином, торговлю в котором Полли сумела наладить, перебравшись в городок чуть больше двух лет назад и оставив на материке рухнувший бизнес и рухнувшие отношения с одним человеком...

Вообще-то, она не предполагала заниматься в Маунт-Полберне чем-то серьезным, разве что сидеть тишком, зализывая раны, пока не почувствует готовность вернуться к делам, к общественной жизни; в ту пору ей и на минуту не пришло бы в голову, что в полуразрушенной квартирке над булочной она воспрянет духом, занявшись любимым хобби — выпечкой хлеба, и что с открытием забытой старой пекарни это увлечение превратится в настоящее дело.

Не сказать чтобы работа приносила большую прибыль, учитывая, сколько времени она отнимала, однако обстановка вокруг сложилась настолько замечательная, а труды Полли были так высоко оценены и местными жителями, и приезжими, что она находила в этом нечто лучшее, нежели деньги, — понимание своего жизненного предназначения! Во всяком случае, она часто так думала. Правда, иногда, оглядывая свою весьма примитивную кухню (прежняя квартира в Плимуте была продана, и Полли умудрилась купить маяк по сногшибательно низкой цене; по-

добным везением она была обязана прежде всего тому, что только сумасшедший — «на всю голову», как подчеркнул агент по недвижимости Ланс, — способен выбрать для жилья продуваемую всеми ветрами неприступную башню, из которой бьет слепящий свет), она гадала, удастся ли когда-нибудь отремонтировать оконные рамы — они стояли первым номером в списке примерно из четырех тысяч вещей, не терпящих отлагательства.

Хакл предложил купить маяк пополам, но Полли отказалась. Она слишком много трудилась ради того, чтобы стать независимой. И уже пробовала делиться всем, что имеет, на собственной шкуре испытав, что значит финансовая путаница совместного владения. Ничего хорошего из этого не вышло, и у нее не было ни малейшего желания повторять эксперимент.

Сейчас ей хотелось одного: сидеть в гостиной — своем гнездышке почти на самом верху дома, — пить чай, жевать сырную плетенку и просто отдыхать, наслаждаясь видом. За окном было вечно меняющееся море, облака, скользящие так близко, что она могла бы их коснуться, рыбацкие лодки, крошечные и хрупкие в бесконечном просторе, пляшущие на блекло-зеленых и коричневатых волнах и волочащие за собой тяжелые сети... Ей просто нужно было пять минут покоя и тишины, прежде чем она отправится в пекарню и отпустит своего коллегу Джейдена на обеденный перерыв.

Нил, маленький тупик, который однажды штормовой ночью ворвался в жизнь Полли да так и остался с ней, протестовал против такого ленивого досуга. Он предпочитал летать высоко, на воле и до сих пор

очень удивлялся, глядя на хозяйку через оконное стекло. Ему нравилось повторять свои маневры: он то облетал маяк кругом и возвращался с другой стороны, то требовательно стучал клювом в стекло, потому что Хаклу казалось забавным кормить его разными вкусными кусочками из окна, хотя Полли просила его не делать этого.

Она отложила книгу и подошла к окну, снова изумляясь (интересно, может ли это когда-нибудь ей надоест?) лучам солнца, серебрящим волны сквозь облака, далекому крику чаек и свисту ветра, который зимой превращается в штормовой... Ей все еще не верилось, что она живет здесь.

Полли открыла старомодное окно с цельным стеклом и тяжелой щеколдой и сказала:

— Ладно, давай домой.

Но Нил оживленно захлопал крыльями и попытался клюнуть Полли меж пальцев, предполагая, что она могла спрятать в руке что-то вкусное.

— Нет! — строго сказала Полли. — Ты жирный тупик, именно так. Залетай внутрь, и хватит стучать в окно.

Нил решил, что это веселая игра, и снова помчался вокруг маяка, чтобы показать Полли, на что он способен. Когда он сел на подоконник, в его больших черных зрачках светилось ожидание.

— Ох, чтоб тебя, — пробормотала Полли.

А потом — она никогда не сделала бы этого, будь здесь Хакл, — наклонилась и протянула птице кусочек сырной плетенки. Тупик радостно проглотил его и склевал с ладони несколько оставшихся крошек. Он так энергично работал клювом, что в итоге подпрыгнул слишком высоко и соскользнул с подоконника.

— Нил! — вскрикнула Полли, но тут же почувствовала себя полной идиоткой, когда птица взмахнула крыльями и снова подлетела к окну. — Ты меня пугаешь до полусмерти. Или залетай внутрь, или улетай, но не делай того и другого одновременно.

Нил предпочел залететь внутрь. Он сел на пол, потом проковылял через комнату, внимательно рассматривая грубо оструганный деревянный пол — на тот случай, если найдутся не замеченные Полли крошки.

— Ладно, — вздохнула она. — Я возвращаюсь на работу. Веди себя хорошо.

Она окинула взглядом гостиную и убедилась, что ничего не забыла. Когда живешь на маяке, меньше всего хочется возвращаться на последний этаж за какой-нибудь необходимой вещью, о которой вспоминаешь только на нижней ступеньке лестницы. Хакл, кстати, хотел установить пожарный шест, но Полли категорически воспротивилась.

В маленькой круглой комнате было не так уж много мебели, зато там стоял чудесный, ну просто совершенно роскошный старый диван, привезенный Полли из Плимута. Его пришлось развинтить и разобрать на части, чтобы поднять по лестнице, и это заняло почти целый день; но дело того стоило, думала Полли.

На этаже под гостиной находилась спальня с крошечной ванной при ней, ниже был машинный этаж, еще ниже — первый этаж с кухней, ванной и другой гостиной. Рядом с маяком располагалось отдельное невысокое строение — уродливое, с плоской крышей и парой комнат, и нынешние хозяева не представляли, что с ним делать. Маленький садик на склоне гра-

ничил со скалами; Хакл собирался в нем покопаться, хотя не был уверен, что здесь можно вырастить что-нибудь, кроме мидий и водорослей. Кто-то когда-то выложил узкими рядами ракушки вдоль ступенек, что вели от маяка к главной дороге, и Полли любовалась этим незатейливым бордюром, когда сбегала вниз на булыжную мостовую, огибала край гавани и оказывалась собственно в Маунт-Полберне.

Путь не занимал много времени, но при максимальном приливе и в штормовые дни, когда волны перехлестывают через причальную стенку и воздух наполняется солеными брызгами, можно было основательно промокнуть, прежде чем доберешься из одной точки в другую.

Но сегодня день выдался ветреный и светлый, реденькие облачка скользили над высокими окнами маяка, и солнце намекало, что вот-вот засияет в полную силу, но так и не решалось. Было время отлива, что значило: дорога на материк открыта. Коричневые булыжники влажно блестели, и ветер приносил свежий запах моря.

Городок Маунт-Полберн весьма непрактично пристроился на склоне, и все его дороги неизбежно вели к разрушенной, лишенной крыши церкви на самом верху.

Дороги были вымощены булыжником, круты и извилисты; в городок можно было въехать на своей машине, но это не рекомендовалось. Большинство людей здесь пользовались парковкой на материке, а оставшееся расстояние в несколько сотен метров проходили пешком. Некоторые рыбаки предлагали свои лодки в качестве такси для тех, кто застрял в пути, но

большинство местных знали расписание приливов и отливов так же, как время восхода и заката солнца, и в соответствии с этим строили свои планы.

Жизнь на острове была простой. Она и не могла быть другой там, где нет таких вещей, как вайфай (кое-кто предлагал Полли поучаствовать в проведении Интернета, но в телефонной компании ей вежливо объяснили, что для этого им придется проложить подводный кабель, а это обойдется в сто тысяч фунтов стерлингов, так что лучше ей забыть об этой ерунде); здесь не было интернет-магазинов, а также ночных клубов, девичников, взлетных полос и свежих газет.

Вместо этого здесь стояли ряды маленьких серых каменных домов, будто карабкавшихся по склону; некоторые из них щеголяли новыми застекленными пристройками, террасами на крышах и балконами с витыми перилами. Подобную роскошь можно было позволить себе за счет бесстрашных дачников, приезжавших сюда на выходные; местные постоянно над ними подшучивали и продавали им все втридорога. Однако остров мог похвастать и раритетами — к примеру, старым пабом «Красный лев» посреди старинного двора, где до сих пор сохранились кольца коновязи. К местным достопримечательностям причисляли и заведение Энди в лучших традициях «фиш энд чипс» — на его стене красовалась фотография огромной рыбыны и рыбаков, толпящихся вокруг с радостными улыбками. Здесь подавали наилучшую сельдь и свежайшую хрустящую жареную картошку со всяческими добавками; она обжигала пальцы, а потом их щипало от соли и уксуса. Еще хозяин

продавал фанту и тайзер¹, и вы легко могли перейти мощеную Бич-стрит и поесть на свежем воздухе, устроившись на причальной стенке над гаванью, глядя на воду и отмахиваясь от чаек.

Помимо того в Маунт-Полберне был минимаркет Мюриэл, где продавалось абсолютно все, а еще ветеринарная клиника Патрика (два раза в неделю он делил свой офис с Калли, начинающим врачом общей практики) и другая пекарня, которой в свое время управляла миссис Мэнс. Она сдавала комнату Полли, когда та только приехала в Маунт-Полберн, и невероятно портила ей жизнь, являясь ярой противницей здоровой конкуренции на хлебопекарном рынке. Теперь миссис Мэнс вышла на пенсию и поселилась вместе со своей столь же сварливой сестрой в Труро, предоставив Полли полную свободу действий в плане бизнеса.

В конце набережной находился помпезный новый ресторан, слишком дорогой для местных жителей, но очень популярный среди приезжих. Он специализировался на свежей рыбе, которую туда доставляли каждое утро с рыбацких лодок. В этот ранний час рыбаки чинили сети, подсчитывали улов, и двое мужчин приветливо помахали Полли, когда та проходила мимо, и спросили, какие микетты она сегодня будет печь (эти круглые булочки очень популярны у рабочего люда). А потом все они громко приветствовали Нила: пернатый, как в сердцах сказала себе Полли, снова потащился за ней на работу. Надо заметить, ему не на пользу шло присутствие

¹ *Тайзер* — безалкогольный напиток красного цвета со вкусом цитрусовых.

в пекарне: там ему давали слишком много лакомых кусочков и, несмотря на то что кухня у Полли обычно сияла безупречной чистотой благодаря ее помощнику Джейдену, мог выйти казус. Если санитарный инспектор, проходя мимо, заглянет к ним и увидит птичий помет, хозяйку ждут неприятности. Тот факт, что никто не смог бы появиться в Маунт-Полберне, не будучи замеченным абсолютно всеми, значения не имел, как сурово заявила Полли помощнику.

Прошел уже почти год после большого шторма — урагана огромной силы, который налетел практически ниоткуда, раскидал лодки и стоил жизни Корнелию Тарнфорту, Тарни, капитану «Трохила». Их роман с Полли продолжался недолго, однако не было такого дня, чтобы она, проходя вдоль ряда лодок у причала, не вспомнила Тарни... Да и городку понадобилось немало времени, чтобы исцелиться после той бури.

Полли позвонила в колокольчик «Маленькой пекарни на Бич-стрит» с милым нежно-пепельным фасадом — его покрасил ее бывший, Крис, — и с чудесной вывеской. Надпись на ней была сделана затейливым курсивом: «Хозяйка: мисс Полли Уотерфорд». Полли почти всегда испытывала прилив гордости, глядя на нее. У двери уже стояли в ожидании несколько человек, и Джейден выкладывал на подносы теплые утренние буханки. Сегодня, кроме обычной, тонко нарезанной сдобы, можно было купить плотный хлеб на опаре, который продавался хуже, — зато, по мнению Полли, из него получались замечательные тосты.

— Привет! — сказал Джейден. — Да, сегодня все идет чудесно. Кроме... ну... кроме микетт с хоризо. Они перепеклись.

Полли строго посмотрела на него:

— В самом деле, Джейден?

Она сняла пальто и повесила его на крючок, потом обошла прилавок, чтобы тщательно вымыть руки. Оглянувшись, она увидела Нила, терпеливо ожидавшего за дверью и время от времени переступавшего с лапки на лапку. Он будет так стоять, пока кто-нибудь из посетителей не войдет внутрь и не впустит его, что обычно и происходило. И не в первый раз Полли подумала о возможности научить тупика послушанию.

— Да, — кивнул Джейден, и его круглые щеки подозрительно порозовели.

Покупатели терпеливо ждали, рассматривая старомодные стеклянные витрины, чтобы заранее выбрать булочки с кремом.

Полли вскинула брови.

— Они были очень хорошими, — пробормотал Джейден. — Прости, я только одну микетту попробовал...

С Джейденом возникла одна проблема... Да, он был прекрасным работником: услужливым, вежливым, добрым, ловким; он следил за чистотой изо всех сил; годы работы на рыбацких лодках приучили его к точности и аккуратности. Джейден вовсе не был красавчиком, но был милым, обаятельным и всем нравился.

И еще он был бесконечно благодарен за то, что ему больше не нужно выходить в море, — флот он ненавидел. Ему нравилось работать в помещении по четкому графику. Он был абсолютно честен во всем,

что касалось денег, и вежлив с покупателями (по крайней мере с местными; но начинал уже привыкать к туристам и отпускникам, с которыми поначалу разговаривал резко или вообще молчал).

Но у него была ужасная, ужасная привычка съедать продукцию, готовую к продаже.

— Не думай, будто я не знаю, что ты это сделал, — сказала Полли, показывая на животик Джейдена, заметно выпирающий под серым фартуком.

— Да, понимаю... извини...

Ему действительно было стыдно, он заливался краской. Джейден в прошлом году отрастил усы ко дню Усабры¹, и все говорили, что они ему к лицу (и это правда), так что он не стал их сбривать, а теперь вроде бы даже его усы покраснели.

— Я не против того, чтобы ты немного попробовал, — продолжила Полли. — Но ты же знаешь, в этих булочках мясо. А оно дорогое.

Несмотря на усы, Джейден стал похож на семилетку, уставившегося в пол.

— Вам не стоит сердиться на этого милого юношу, — сказала миссис Корнинг, вдова преподающего. — Он благословенный, правда.

Другие леди в очереди с ней согласились. Для кого-то из них, как подозревала Полли, болтовня и легкий флирт с Джейденом были неплохим развлечением.

— Очень голодный благословенный, — проворчала она.

¹ Усабрь (англ. Movember, словослияние от moustache — усы и november — ноябрь) — вид фандрайзинга, или сбора пожертвований, на изучение мужских болезней и борьбу с ними.

— А она оставляет снаружи эту свою птичку, — неодобрительно произнесла другая леди.

Дамы зашушукались. Полли хотелось закатить глаза, но она воздержалась. Для некоторых местных жителей, ясное дело, она навсегда останется приезжей. Полли подошла к следующей женщине в очереди.

— Что вам предложить? — вежливо спросила она.

— У вас есть эти аппетитные булочки с кусочками колбасы? Я такие очень люблю.

— Нет, — ответила Полли, в последний раз одарив Джейдена сердитым взглядом. А он притворился, что не заметил этого и вдруг оказался ужасно чем-то занят. — Нет, сегодня нет.

Звякнул колокольчик над дверью.

— Эй, Полли, ты забыла Нила снаружи! — прогудел густой голос с американским выговором.

Магазинчик, и без того маленький, вдруг показался еще меньше, когда тень Хакла упала на прилавок. Хакл был очень высоким, длинноногим, широкоплечим, с густыми светлыми волосами, отчего казался еще больше. Полли иной раз изумлялась, что он стал ее бойфрендом: он выглядел так, словно сошел с рекламы, на которой изображались кактусы, и пустыня, и ковбойские шляпы.

— Да, вот так, приятель, — сказал Хакл птице.

Нил сидел на его руке, хотя не имел такой привычки, и страдальчески взирал на Полли.

— Нигде я его не оставляла! — раздраженно заявила Полли. — Птицам не положено находиться в рабочих помещениях. Ему следует прыгать по скалам, стараясь найти себе подружку.

— Или друга-тупика, — заметил Хакл. — Ты ведь не страдаешь предрассудками?

Полли посмотрела на него в упор:

— Ты меня называешь птицегомофобом?

— Я просто говорю, что мы должны принять любой выбор Нила.

— Кроме одного: позволять ему болтаться в магазине!

Хакл вздохнул. Старые леди столпились вокруг Нила (или, язвительно подумала Полли, для того, чтобы протянуть свои старушечьи лапки к бицепсам Хакла). Когда они наконец разошлись, Полли потянулась к бойфренду, чтобы поцеловать его.

— Ладно, привет, — сказала она, вдыхая его чудесный теплый запах, слегка отдающий бензином мотоцикла, на котором он всегда ездил. — Ты сегодня не в духе?

Хакл покачал головой:

— Ничего подобного! Я просто заскочил, чтобы сказать: Дюбоз приезжает.

Полли прикусила губу.

— Ты серьезно? — Ее сердце забилось немножко быстрее. Она никогда еще не встречалась с Дюбозом и ни с кем из семьи Хакла. А Дюбоз был его младшим братом и кем-то вроде паршивой овцы в стаде. — И с какой целью?

Хакл округлил глаза:

— Меня не спрашивай. Судя по всему, он нуждается в отдыхе.

— Он разве не фермер? — слегка растерялась Полли.

— Да, — подтвердил Хакл. — Именно так. У фермеров отпуска не бывает!

— Как и у пекарей, — кивнула Полли.